

*Курлович Сергей Андреевич
студент 5 курса, юридический факультет
Южно-Уральский Государственный Университет,
Россия, г. Челябинск
e-mail: vombat_00@mail.ru*

*Научный руководитель: Задорожная В.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правоохранительная деятельность и национальная
безопасность
Южно-Уральский Государственный Университет,
Россия, г. Челябинск*

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕДРЕНИЯ ВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: Статья посвящена информационным технологиям в ведении электронного уголовного дела.

Ключевые слова: Уголовное право, ведение уголовного дела, информационные технологии в правоохранительной деятельности.

*Kurlovich Sergey Andreevich
5th year student, Faculty of Law
South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk*

*Scientific adviser: Zadorozhnaya V.A.,
candidate of legal sciences, associate professor,
Associate Professor of the Department of Law Enforcement and National Security
South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk*

TO THE QUESTION ABOUT THE PROSPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE ELECTRONIC CRIMINAL CASE

Abstract: The article is devoted to information technologies in the conduct of electronic criminal cases.

Keywords: Criminal law, criminal case management, information technology in law enforcement.

Использование различных технических средств в ходе уголовного судопроизводства позволяет вести речь о таком процессе, как цифровизация

соответствующей деятельности. Стоит признать, что на данный момент указанное явление носит частичный характер, что абсолютно не позволяет говорить о какой-либо системности применительно к рассматриваемой проблематике. Изучение материалов уголовных дел позволило сделать вывод о минимальном применении информационных технологий в ходе предварительного расследования – фотоаппарат, редко видеофиксация следственных действий. В настоящее время об устоявшейся цифровой среде можно говорить только применительно к судам, и то арбитражным. В судах общей юрисдикции развитие и функционирование различных информационных технологий находится на довольно низком уровне. Некоторые из них остаются либо невостребованными, либо вызывают сложности в работе ввиду неудобного и не функционального интерфейса. Здесь в качестве примера можно привести и систему подачи документов в электронном виде, фактически не используемую, и ресурс доступа к судебным актам, публикуемым в электронном виде, который неудобен и не позволяет найти искомый судебный акт.

В этом аспекте обратим внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации. В частности, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов в ходе своего выступления 4 апреля 2019 г. на пленарном заседании VI Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» на тему «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» [15] отметил, что судебное сообщество рассматривает цифровое развитие как одно из приоритетных направлений судебной реформы, которое позволит сформировать «правосудие XXI века», обеспечить неукоснительную реализацию таких принципов, как независимость судей, законность, доступность правосудия, рассмотрение дел в разумные сроки, состязательность, открытость и гласность. Действительно, в ходе производства в различных судебных инстанциях довольно большое количество процедурных моментов автоматизировано, что закреплено в УПК РФ. Сказанное подтверждается и позицией высшего руководства Российского государства. В рамках данного исследования отмечаем

дисбаланс применительно к степени информатизированности процессуальных действий между досудебными и судебными стадиями. Осознавая положительные аспекты цифровизации уголовного судопроизводства, придерживаемся позиции недопустимости замены должностных лиц правоохранительных органов искусственным интеллектом. Совершенно очевидно, что «никакая компьютерная программа или нейросеть не способны полностью заменить человека» [1]. Информационные технологии могут и должны использоваться в практической деятельности, выступая как вспомогательное средство анализа информации. В этом аспекте широкий научный резонанс приобрело принятие Европейской этической хартии о применении искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей среде [2].

Более интенсивное использование информационных технологий также позволит обеспечить достоверность информационных потоков при производстве по уголовному делу. Решения подобной задачи будет достигнуто за счет использования средств объективной фиксации, которые явно минимизируют возможность искажения сведений, накапливаемых в рамках производства по уголовному делу. Кроме того, подобный подход создает возможность более детальной фиксации процессуальной деятельности, а также поступающей информации.

Цифровизация уголовного судопроизводства на досудебных стадиях будет выступать как еще один элемент системы гарантий правового статуса участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями. В частности, применяемые информационные ресурсы упростят процедуру обжалования действий и решений должностных лиц за счет объективного подтверждения фактов, положенных в основу доводов заявителя, при обращениях в контрольные и надзорные органы. Процедурные требования, закрепленные в УПК РФ, обуславливают необходимость совершенствования системы гарантий объективности уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, неукоснительное соблюдение установленной процедуры

выступает как необходимое условие достижения целей рассматриваемой деятельности. Естественно, последнее представляется возможным посредством использования информационных технологий в ходе уголовного судопроизводства. Указанные меры позволят, в том числе, и обезопасить личность от незаконного уголовного преследования, неправомерного ограничения прав и свобод.

Решение задач уголовного судопроизводства на современном этапе развития общества и государства невозможно исключительно посредством классических способов поиска, фиксации, исследования и оценки информации относительно произошедшего события преступления. Эффективность уголовного процесса в современных условиях маловероятна без создания соответствующего информационного пространства, позволяющего использовать необходимые ресурсы для потребностей уголовного судопроизводства. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что существующая правовая основа уголовно-процессуальной деятельности открывает широкие возможности для реализации в ходе досудебного производства по уголовному делу различных информационных ресурсов. Исходя из задач, решаемых в ходе цифровизации, информационные технологии этапа досудебного производства целесообразно классифицировать на несколько групп, объединяющих соответствующие средства, имеющие схожее целевое предназначение:

1. Коммуникативные информационные технологии, обеспечивающие необходимый контакт между участниками уголовного судопроизводства.

2. Информационные технологии, выступающие как элемент системы гарантий правового статуса невластных участников уголовного судопроизводства.

3. Информационные технологии хранения и представления собранных сведений доказательственного характера.

Во всех случаях использования информационные технологии направлены на оптимизацию уголовного судопроизводства и повышение эффективности отдельных его составляющих институтов. Если говорить о досудебном

судопроизводстве, то здесь сложно обнаружить даже те результаты, которые уже достигнуты в системе судов общей юрисдикции.

На основе анализа положений УПК РФ считаем возможным предложить следующие варианты совершенствования уголовного судопроизводства на основе более интенсивного применения информационных технологий:

1. Ведение электронного уголовного дела в рамках специализированной программной оболочки.

2. Актуализация процесса использования автоматизированных рабочих мест.

3. Совершенствование процедуры производства отдельных следственных действий за счет применения технических средств фиксации их хода и результатов.

Вместе с тем в регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти отмечаются негативные тенденции, среди которых своеобразная кривизна стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства, отсутствие ее внятной концепции, отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства. Обращают на себя внимание недостатки в подготовке нормативно-правовых актов, проявляющиеся в несуразности текста новых норм уголовно-процессуального права, регулирующих цифровые отношения [4].

Исследователи возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве находятся еще в самом начале своего пути, не без оснований первые их результаты окрещены как научная фантастика [5, с. 7; 6]. Любые попытки конкретизации, продвижения вперед здесь есть благо. Тем не менее представляются несколько преждевременными заявления некоторых специалистов о том, например, что «нижегородской школой процессуалистов» уже создана новая доктрина уголовного процесса и новая теория доказательств [7, с. 180].

Отмечая общую тенденцию к урегулированию цифровых отношений в сфере уголовного права [8; 9] и судопроизводства, нельзя не обратить внимание на отсутствие не только единообразия в понимании норм, регулирующих цифровые отношения в сфере уголовного судопроизводства, но и общих подходов к этой деятельности. Без преувеличения, пожалуй, можно сказать, что российское уголовное судопроизводство оказалось не вполне готовым к «электронным» изменениям в общественной жизни. В практическую и научную деятельность вводятся новые явления материального мира, что влечет формирование новых понятий. Электронное доказывание сейчас находится в стадии осмысления и теоретического обоснования.

Цифровое доказательство концептуально такое же, как и любое другое доказательство, — это информация, использованная в целях поместить людей и события во времени и пространстве, чтобы установить причинность для криминальных инцидентов [10]. При этом цифровые доказательства имеют более широкую сферу применения, могут быть более чувствительными, мобильными и требуют подготовки, других инструментов и методов извлечения данных из цифровых устройств.

Большое количество уголовных преступлений в настоящее время совершается таким образом, что оставляет цифровые следы, которые могут служить доказательством. Чтобы эффективно расследовать и в судебном порядке преследовать эти преступления, правоохранительные органы должны иметь доступ к цифровым данным, которыми в основном владеют поставщики услуг, часто находящиеся за границей. По мере того как значение цифровых, или электронных, доказательств росло, росло и разочарование правоохранительных органов в связи с обременительностью процедуры получения этих данных в сочетании с многочисленностью случаев, когда необходимые цифровые доказательства и соответствующие данные хранятся за границей. Проблема в том, что сложно связать уголовный процесс, международное право, в частности вопросы юрисдикции и суверенитета в контексте уголовных расследований,

законодательство Европейского союза с быстроразвивающимися технологиями, прежде всего облачными вычислениями и шифрованием [13].

Анализ уровня и основных направлений современных исследований свидетельствует о начале формирования основ концепции цифровизации в уголовном судопроизводстве. Изучая данную тенденцию как в Соединенных Штатах, так и в Европе, исследователи утверждают, что она является причиной для переосмысления теорий уголовного предпринимательства с целью более непосредственного учета роли технологий и коммерческих интересов. Судебные записи или их доверенные лица в настоящее время активно создаются и управляются третьими сторонами в рамках корпоративных процессов принятия решений, а не из-за того, что правительство диктует границы или передает обязанности частным лицам. Это привело к возникновению так называемого неупорядоченного наказания, которое неравномерно и непоследовательно применяется на разных платформах, и правительству и отдельным лицам становится его все труднее контролировать [14].

Широкое использование компьютеров в последние годы привело к появлению в уголовных делах нового типа доказательств — цифровых доказательств. Известный ученый в области компьютерного права и интернет-слежки Орин Самуэль Керр (США) рассматривал вопрос, могут ли традиционные уголовно-процессуальные нормы эффективно регулировать расследования, связанные с использованием цифровых доказательств. Профессор Керр приходит к выводу, что новые методы сбора цифровых доказательств требуют новых правовых стандартов, новых правил сбора вещественных доказательств и свидетельских показаний с применением цифровых технологий [8]. Ситуация в этом отношении усугубляется отмечающимся зарубежными исследователями заметным ростом латентности киберпреступности. Вопросы внедрения электронных ресурсов в уголовное судопроизводство становятся еще более актуальными в свете результатов проведенных исследований, которые свидетельствуют об ограниченности следственных ресурсов для улучшения расследования случаев бандитизма,

наркомании, убийств по причине отсутствия вещественных доказательств и сотрудничества свидетелей.

В изданных в последние годы творческих исследованиях даны разные представления о том, как платформы формируют бизнес- и организационные модели и фактически трансформируют целые экономики. В России базой для формирования основ концепции цифровизации уголовного судопроизводства являются результаты реализации дорожной карты цифровой экономики. 25 апреля 2019 г. на заседании подкомиссии по цифровой экономике Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности.

Ученые аргументированно отмечают, что, поскольку цифровые платформы сегодня трансформируют практически все отрасли, они постепенно находят свое отражение в литературе по основным информационным системам. Цифровые платформы являются сложным объектом изучения из-за их распределенной природы и взаимосвязи с институтами, рынками и технологиями. Новые исследовательские задачи возникают в результате экспоненциального роста инноваций в платформах, усложнения архитектуры платформ и распространения цифровых платформ в различных отраслях.

Сказанное дает достаточные основания, чтобы адаптировать категорию цифровой платформы к сфере уголовно-процессуального регулирования.

Специалисты предложили критерии, по которым та или иная сущность может быть отнесена к категории цифровых платформ. Применительно к уголовному судопроизводству это могут быть по аналогии следующие положения:

1. Алгоритмизация взаимодействия участников платформы в виде уголовно-процессуальной формы, в которой процедуры взаимодействия участников уголовного судопроизводства детерминированы и реализуются в рамках установленного законом алгоритма. Само множество этих процедур взаимодействия ограничено и описано в уголовно-процессуальном кодексе.

2. Взаимовыгодность отношений участников платформы по принципу win-win, проявляющаяся в наличии процессуального интереса, который удовлетворяется в форме уголовно- процессуальных правоотношений с соответствующими правами и корреспондирующими им обязанностями.

3. Значимость количества участников деятельности (масштаб), использующих платформу для взаимодействия, включающего в себя множество участников уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу, судебной системы и правоохранительных органов, государства в целом, международных правоохранительных институтов, институтов гражданского общества.

4. Наличие единой информационной среды, в которой осуществляются взаимодействия участников уголовного судопроизводства, и соответствующей информационно-технологической инфраструктуры.

5. Наличие эффекта в виде снижения материальных, организационных, интеллектуальных, психофизиологических издержек при взаимодействии различных участников платформы, по сравнению с тем же взаимодействием без платформы. При этом такой эффект должен достигаться за счет применения определенных технологий работы, сводящих к минимуму субъективный фактор, а в большинстве ординарных процессов вовсе его исключаящих.

Исходя из приведенных посылок такой подход может показаться не совсем правильным. В качестве предмета регулирования цифрового законодательства в уголовном судопроизводстве должны рассматриваться отношения в определенной, установленной законом информационной системе, т.е. — по аналогии с упомянутой инвестиционной платформой — соответствующие уголовно- процессуальные информационные платформы, в качестве примера которых можно назвать информационную систему уголовного делопроизводства, информационную систему уголовных доказательств, информационную систему текущего ведомственного и судебного контроля и прокурорского надзора и т.д., либо единая уголовно- процессуальная платформа с соответствующими информационными подсистемами. Это, однако, вовсе не означает исключения

отношений с техническими средствами из сферы регулирования цифрового законодательства. Наоборот, многие (если не все) из них как раз в эту сферу попадают, но не по предметному признаку и не по признаку вовлеченности в ту или иную информационную систему. Архитектура самой технологии может в большей степени осуществляться с помощью приложений, микросервисов и других модульных элементов, а не в монолитных схемах, что поднимает вопрос о том, как спроектировать эти взаимосвязи.

Смысл перехода к нормативно-правовому регулированию цифровых информационных платформ в сфере уголовного судопроизводства, как отмечено в приведенном выше определении, — снижение издержек и исключение субъективного фактора. Однако здесь неуместно упрощенчество, примитивизм. Так, вызывает серьезные сомнения обоснованность позиции А.С. Александрова, сводящего всю работу по расследованию и раскрытию преступлений к манипуляциям даже не хакера, а просто обычного интернет-пользователя: «Просматривается перспектива, когда вместо следователя, сотрудника оперативного подразделения правоохранительного органа, «субъектом расследования», чья задача в конечном итоге сводится к установлению IP-адреса, с которым предположительно связан субъект преступления, в качестве субъекта расследования может выступить любой «пользователь» цифровой технологией: программист, специалист по информационной безопасности корпорации (профессиональный «антихакер»), но также и «робот», «бот». В этом состоит законченный вывод о деперсонализации «субъекта» доказывания. Агентами уголовного розыска будут интеллектуальные агенты: они будут получать, анализировать цифровую информацию, на основании которой обвинитель будет формировать «доказательство обвинения». Несколько странно выглядит представление об уровне квалификации, которая требуется для расследования преступлений, исходящее от специалиста, бóльшую часть своей профессиональной деятельности только и занимавшегося обучением следователей и сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ведение уголовного дела в цифровом виде позволит решить следующие задачи:

1. Оптимизировать работу следователя, дознавателя за счет сокращения временных затрат на процессуальное оформление проводимых действий и принимаемых решений.

2. Осуществить удаленное взаимодействие между органами дознания, следственными подразделениями, органами прокуратуры, судами.

3. Усилить систему гарантий правового статуса личности, вовлекаемую в уголовное судопроизводство.

4. Повысить законность процессуальной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

5. Повысить эффективность прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля.

Для ведения электронного уголовного судопроизводства необходимо наличие соответствующей программной оболочки, которая позволит разместить материалы уголовных дел, находящихся в производстве, с возможностью в онлайн-режиме пополнения их в случае производства новых процессуальных действий. При этом указанная система должна предусматривать уровневый доступ заинтересованных лиц для ознакомления с материалами, осуществления контрольных и надзорных функций, обеспечения взаимодействия различных органов предварительного расследования.

На данный момент на рынке имеет место многообразие СЭД, но они могут не входить в реестр российского программного обеспечения, соответственно, их использование в рамках государственной деятельности представляется сомнительным.

В частности, СЭД «Дело» [2] используется в Ростелекоме и в Правительстве РФ, включена в Реестр отечественного программного обеспечения в соответствии с Приказом Минкомсвязи России от 20.02.2016 № 63, предполагает взаимодействие с такими ресурсами, как сетевой справочный телефонный узел (ССТУ), Межведомственный электронный документооборот

(МЭДО), Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Госуслуги, АС «Обращение Граждан», АИС МФЦ ДЕЛО, АИС «Охотничий билет».

Необходимо обеспечить подключение к системе электронного документооборота различных государственных органов. Таким потенциалом обладают многие системы. Например, СЭД EOS for SharePoint поддерживает организацию единого документооборота для нескольких органов в одной базе данных таким образом, что каждый из них работает исключительно со своими документами, не имея возможности свободного доступа к информации другого ведомства. Подобная система позволяет контролировать исполнение поручений, создавать запросы в другие ведомства на получение сведений, истребовать интересующую информацию по межведомственным запросам в автоматизированном режиме. При этом достоверность результатов информационного обмена может подтверждаться посредством применения электронной подписи в любых процессах межведомственного взаимодействия.

Дополнительно требуется электронный сервис, обеспечивающий интеграцию системы электронного расследования с «Единым порталом государственных и муниципальных услуг» (www.gosuslugi.ru). Считаем это возможным осуществить через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Взаимодействие информационных систем может осуществляться в рамках государственной целевой программы «Информационное общество (2011– 2020 годы)», согласно которой оно реализуется посредством системы межведомственного электронного документооборота и единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Последняя, в частности, предназначена для организации информационного контакта между системами участников в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Пользователями указанной информационной среды являются органы

государственной власти, а также иные организации. Ресурсы данной системы могут быть использованы и в ходе расследования уголовных дел.

Система электронного документооборота «Дело» предполагает организацию хранения документации при возможности одновременной работы с ней. Так, информационный ресурс позволяет осуществить подготовку проектов документов, последующее их согласование, совместное редактирование, утверждение. Рассматриваемая система предоставляет возможность контроля документооборота, исполнительской дисциплины. Кроме того, в интерфейсе анализируемой системы заложена возможность обмена документами с другими базами данных (в полном соответствии с ГОСТ Р 53898-2013). Разработчик данной системы электронного документооборота предусмотрел наличие приложений с персонифицированным интерфейсом для мобильных устройств (iOS, Android, Windows), которые обеспечивают юридическую значимость удаленно совершаемых пользователем действий. Среди возможностей рассматриваемого ресурса следует отметить наличие инструментария для планирования деятельности, определения задач, направления поручений конкретным исполнителям, с контролем и визуальным отображением их выполнения.

Список литературы

1. Александров А.С. Организационно-правовой механизм противодействия киберпреступности в эпоху цифровых технологий // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее : сб. тр. / отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. Кострома, 2018. С. 303–309.
2. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.
3. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.

4. Александров А.С., Александрова И.А. Организационно-правовой механизм противодействия киберпреступности в эпоху цифровых технологий // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сб. тр. XIV Всерос. декабрьских юридических чтений. 2018. С. 303–309.
5. Андреева О.И., Иванов В.В., Нестеров А.Ю., Трубникова Т.В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 201–212.
6. Аубакирова А.А. Цифровизация уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 41–43.
7. Васильева М.А. Вопросы интеграции в решении криминалистических задач по расследованию экологических преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 19–23.
8. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей среде. Официальное сообщение Европейской комиссии по эффективности правосудия // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. Режим доступа: URL: <https://rm.coe.int/presentation-note-en-for-publication-4-december-2018/16808f699d> (дата обращения: 20.11.2020 г/).
9. Емелькина Н.Л. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 50-54.
10. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 49–54.
11. Мамедов Р.Я. Цифровизация ведения уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 67–71.

12. Пржиленский В.И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 17–29.

13. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 100–111.

14. Шарипова А.Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 131–135.